
В. А. ВОРОНЦОВ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» И ЕГО ИСТОКИ

В настоящее время внимание многих философов, педагогов, психологов, физиологов приковано к проблеме раннего детства. Этот интерес вполне объясним. Дело в том, что именно в первые годы жизни формируются наши взгляды на окружающую действительность, происходит их социализация. Еще не умея говорить, ребенок с огромным энтузиазмом показывает, как он любит родителей, братьев, сестер, как он готов делиться с ними игрушками, гостинцами. Пробуждению интереса исследователей к мировоззрению ребенка во многом способствовали труды выдающегося мыслителя-гуманиста XX в. Л. С. Выготского. Большой резонанс у специалистов разного профиля вызвали также работы швейцарского психолога Ж. Пиаже, который выявил близость детского и мифологического мышления. Л. С. Выготский писал: «Исследования Пиаже составили целую эпоху в развитии учения о речи и мышлении ребенка, о его логике и мировоззрении...»¹

Физическое, умственное, нравственное развитие ребенка традиционно протекает под контролем общества. Этот контроль подчас отличается поразительным педантизмом. Даже антропометрические данные членов социума: формы черепа, прикуса, длина ушей, шеи – в традиционных обществах зачастую оказываются регламентированными и подлежат искусственной корректировке. Эта корректировка во многих случаях бывает эффективной именно в раннем возрасте. Есть все основания полагать, что этот ответственный отрезок человеческой жизни, изначальная среда обитания ребенка, опыт его воспитания нашли отражение не только в трудах ученых, но и в древних учениях, идущих из глубины веков.

---

¹ Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования. – М., 1956. – С. 56–57.

«Золотой век» – мифологическое представление, существовавшее в античном мире, согласно которому первые времена человечества отличаются безоблачностью, беззаботностью. Зародышевую форму таких представлений можно найти и у многих первобытных народов, сохранивших мифы об изначальных временах, когда человеку не надо было трудиться, когда предки человека были наделены чудесными способностями, а окружающий мир был рукотворен и полон чудесных превращений. Представления о «золотом веке», утраченном земном рае можно встретить и в развитых религиозно-мифологических представлениях. До сих пор не перевелись энтузиасты, которые пытаются отыскать Шамбалу, Беловодье.

Современная наука не смогла убедительно объяснить причину стойкой веры народов в «золотой век», в сказочные страны. Она категорически отрицает существование в прошлом таких времен, когда человеку все доставалось даром, когда его выкармливали мифические существа (животные-предки, божества), которые общались с ним на общедоступном языке, учили разным премудростям. В основе скептического отношения современной науки к сказочным древностям лежат свидетельства археологической науки, которая не располагает данными, подтверждающими существование в прошлом сказочных вещей и существ.

Термин «археология» (наука о древностях) впервые употребил древнегреческий философ Платон (427–347), однако до сих пор научный мир не выработал четкого представления о предмете, задачах археологии, хронологических рамках науки о древности. Так, например, существует «современная» археология, которая изучает современный культурный слой. Общим для представителей всех археологических школ является то, что они полностью игнорируют предметы, орудия труда, жилища, утварь, которые порождены подлинным рукоделием без привлечения посторонних материалов. Крайний механицизм, примитивизм, который культивируется современной археологией, предельно затрудняет понимание того, что подлинная человеческая архитектура, подлинное человеческое древности, снасти, ценности, как и человеческая культура, человеческое искусство, неотделимы от человека.

Слова *орган*, *органон* означают орудие, инструмент. Еще Аристотель рассматривал человеческую руку в качестве орудия ору-

дий. Древнеримский философ Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей» писал: «Древним оружием людей были руки, ногти и зубы», а известный философ П. А. Флоренский утверждал: «Техника есть сколок с живого тела...»² Прислушаться к философам археологи не спешат, хотя, игнорируя первообраз, можно сколь угодно заблуждаться относительно природы самых разных вещей и предметов и отрицать существование подлинных человеческих снастей, ценностей, древностей.

Наблюдая за возможностями человеческой руки, даже величайший киник способен сделать весьма важные археологические открытия. Такое открытие в свое время сделал Диоген, наблюдая за рукой человека, рефлекторно утоляющего жажду. Диоген поспешил не только избавиться от кружки, отягощавшей его суму, но и поделился своим открытием с товарищем, с гордостью отметив: «Как могущественна природа, которой мы, служа спасению людей, снова возвращаем ее значение, хотя люди, исходя из ложных убеждений, выбрасывают ее вон из жизни»³.

О том, что рука породила человечество, написано много, однако до сих пор нет музеев, посвященных руке, нет серьезных обобщающих трудов, посвященных ручному мышлению, ручной речи. Нет и фундаментальных трудов о роли руки в формировании представлений о мерах, номерах, камерах, кумирах, мерных пространствах, рукотворном космосе и других аспектах традиционного мировоззрения. Как и во времена Диогена, мы отрицаем природные (сказочные) ценности, хотя скатерти-самобранки, палицы, которые выскакивают из сумы (суммы) и больно наказывают обидчика, составляют нашу конституцию. Отрицая существование сказочных самодвижущихся орудий, выдавая содержимое выгребных ям за подлинные человеческие снасти, ценности, древности, археологи лишают человечество самосознания, исторической памяти, придают исторической науке ярко выраженную антигуманную, антибиологическую (антижизненную) направленность.

---

² Флоренский, П. А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли / сост. С. Г. Семенова, А. Г. Гачева. – М., 1993. – С. 149–150.

³ Диоген. Письма // Антология кинизма: фрагменты сочинений кинических мыслителей. – М., 1984. – С. 220.

Надо сказать, что любое противопоставление биологического и культурологического подходов глубоко антинаучно. Дело в том, что именно биология традиционно занимается окультуриванием различных растений, организмов, социумов и прекрасно разбирается не только в культуре гороха, но и в культуре человека. Без биологических познаний немыслима самая древняя, самая гуманная, самая мудрая наука – медицина. Об этом часто забывают даже антропологи, которые пытаются совместить биологический и культурологический подходы к своему предмету. Антропологическая наука традиционно игнорирует тот факт, что животноводством, птицеводством занимаются не только люди, но и животные, птицы в ходе воспроизводства себе подобных. Игнорируя этот естественный вид трудовой деятельности, невозможно создать полноценную эволюционную теорию, полноценное учение об истоках сознательной деятельности, об антропосоциогенезе.

Воспитание имеет естественные корни и неразрывно связано с развитием, прогрессом, причем не только человека. Так, например, К. Д. Ушинский писал: «Слово *воспитание* прилагается не к одному человеку, но также к животным и растениям, а равно к историческим обществам, племенам и народам, то есть к организмам всякого рода, и воспитывать в обширнейшем смысле слова, значит способствовать развитию какого-нибудь *организма* посредством свойственной ему пищи, материальной или духовной. Понятия *организма* и *развития* являются, следовательно, основными понятиями воспитания»⁴. Именно понятия *организма* и его *развития* полностью выпали из поля зрения исследователей, занятых изучением древних мифов мировоззренческого характера.

Изучение процесса введения в культуру различных биологических объектов привело к становлению теории центров происхождения культурных растений, домашних животных⁵. Может показаться, что распространить естественно-исторический подход на истоки орудийной деятельности, искусства, языка, словесности не представляется возможным, поскольку невозможно найти центры «произрастания» первых зубил, резцов, палиц, лопаток, саней, сна-

---

⁴ Ушинский, К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической археологии / В. И. Максимова // Педагогическая антропология. – М., 2001. – С. 92.

⁵ Алексеев, В. П. Становление человечества. – М, 1984. – С. 384–444.

рядов, героев, божеств, словес, музыкальных инструментов, храмов и т. д. Между тем такая возможность существует, если отстраниться от примитивизма, механицизма и ориентироваться на данные жизненных наук (медицины, биологии, бионики), а также на древние учения, которым свойственны биоморфизм, антропоцентризм.

Комплексное изучение материальной и духовной культуры «раннего детства» (первых времен существования человека) со всей очевидностью свидетельствует, что «для младенца материнские руки, ладони (длани) являются всем: материками, долинами, колыбелью, ковром-самолетом, сказочной козой, которая кормит, наказывает, учит показывать (сказывать) и т. д.»⁶. Изучение этого предельно актуального мифического (естественного, материального, духовного) универсума позволяет преодолеть механицизм, который господствует в современной исторической науке. Это изучение подтверждает правомерность веры в сказочную древность, а также в объективное существование тех реалий, которые так ярко отразились в мировоззрении первобытных народов, в их взглядах на первые времена человечества.

Без объективизации взглядов на мировоззрение «золотого века», на мать-землю, на колыбель человечества, на рукотворный космос, антропоморфный гумус, без пристального изучения вещающих вещей, самодвижущихся орудий, тотемов, сказочных животных-наставников, их языка невозможна подлинная философия истории. Без соблюдения принципа историзма невозможно также решение многих фундаментальных проблем философии, лингвистики, фольклористики, этнографии, археологии, культурологии, социологии и других дисциплин, призванных пролить свет на феномен человека, его культуры.

В данной статье выявляется роль руки (символическая, логическая, космологическая и т. д.) в процессах исходного смыслообразования, лежащего в основе мифологического мышления, мировоззрения.

Изучение мифических реалий показывает, что трактовать сверхъестественное как неестественное нет оснований: сверхприбыль – прибыль, суперзвезда – звезда, сверхъестественное – есте-

---

⁶ Воронцов, В. А. О природе вещей и педагогической археологии. – Казань, 2009. – С. 2.

ственное. Изначальное знакомство ребенка с бесконечно динамичным, бесконечно сложным универсумом позволяет ему в дальнейшем все новое воспринимать как давно забытое старое, а также описывать Макрокосм посредством представлений, понятий, лексики, свойственных Микрокосму. Изначальные мифические (естественные, рукотворные) образы, шкалы, меры, универсалии накладывают неизгладимый отпечаток на развитые формы мыслительного процесса. Они с огромным энтузиазмом культивируются не только в науке, которая широко использует понятия, свойственные мерному пространству, но и в самых широких слоях цивилизованного общества, которые воспринимают ремифологизацию сознания как его углубление, как приобщение к духовным началам.

Относительно природы исходных мифологических универсалий исследователями высказываются самые различные догадки. Они трактуются как врожденные идеи, априорные формы, архетипы, образы, почерпнутые из иных миров, от богов, от космических существ, как продукт дологического мышления, отражение темных сторон социального бытия, проявление детского эгоцентризма и безудержной фантазии и т. д. Туманность и противоречивость подобных трактовок, отсутствие в науке общепринятого взгляда на природу и смысл древних мифологем подрывают доверие к науке, а также порождают стремление осмыслить древние учения без опоры на научные догмы.

Цель жизни – жизнь. Истоки основных феноменов человека, включая истоки мифологического мироззрения, всегда будут загадкой, пока становлением общества, мифологического сознания занимаются люди, бесконечно далекие от жизненных проблем, решаемых специалистами в области техники безопасности, здравоохранения, несущими персональную ответственность за жизнь конкретного человека, за его сознание, самосознание. Так, например, современная историческая наука полностью игнорирует тот факт, что научить ребенка не использовать колющие, режущие, рубящие орудия, внушить ему заповедь «не убий» – сложнейшая и жизненно важная проблема, которая глубоко волнует матерей на самой ранней стадии антропосоциогенеза, через которую проходят все мыслящие существа. Эта проблема должна была возникнуть

уже у наших далеких предков при их переходе к наземному образу жизни.

«Согласно классическим представлениям, самые древние предки будущих гоминид обитали в саванновых средах, и это обстоятельство сыграло важную роль в их эволюции»⁷. «Вследствие сухости здесь нередко возникают пожары, которые играют важную роль в поддержании структуры растительных сообществ»⁸. После лесных пожаров, вызванных длительной засухой, стада приматов могут лишаться не только средств пропитания, но и традиционных мест спасения от хищников. Лишая традиционного убежища, пламя лесного пожара оставляет после себя огромное количество заостренных на огне палок, которые позволяют преодолеть тот технологический Рубикон, который отличает процесс добывания пищи тасманийцем или австралийцем от добывания пищи обезьяной. Вот что пишет по данному поводу знаток образа жизни первобытных племен Я. Линдبلاد: «Вплоть до недавнего времени практически все народы первобытной культуры пользовались копьем, – и с каким успехом! Рассказывают, что пигмеи в одиночку убивали слона: бесстрашно и расчетливо они в сумерках леса подбегали сбоку к пасущемуся великану и вонзали ему копьё прямо в сердце!»⁹ Против копья не могли выстоять ни мамонт, ни пещерный медведь, против копья бессилён и кит. Есть все основания полагать, что оружие, которое сделало человека царем природы, вовсе не придумано, а введено в культуру. В этой связи глубоко ошибочны любые попытки связывать истоки человеческого сознания с процессом придумывания и изготовления орудий.

Вооруженный копьем зверь опасен прежде всего для себя и своего ближайшего окружения. О том, что появление смертоносного оружия у наших далеких предков могло иметь самые катастрофические последствия для них, написано много. Так, например, Ю. И. Семенов в своей книге «Как возникло человечество» был вынужден констатировать, что появление у наших предков искусственных орудий способствовало их озверению, превращению

---

⁷ Фоули, Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека. – М., 1990. – С. 224.

⁸ Там же. – С. 248–249.

⁹ Линдبلاد, Я. Человек – ты, я и первозданный. – М., 1991. – С. 181.

в кровожадных хищников, расцвету зоологического индивидуализма и представляло реальную угрозу их существованию как вида. Он пишет: «Непрерывные, непрекращающиеся драки в стаде предлюдей подрывали систему доминирования. Последняя не столько существовала в стае предлюдей, сколько ломалась, нарушалась, перестраивалась. Зоологический индивидуализм в стае предлюдей достиг своего наивысшего развития и подрывал сам себя, ибо в большей и большей степени становился угрозой самому существованию предлюдей»¹⁰. Нейтрализовать озверение, вызванное орудейной деятельностью, мог только антропосоциогенез.

Для выявления сущности антропосоциогенеза очень важно определить видовое качество человека, его место в царстве живых существ. К. Линней, включивший человека в систему животного царства, не решился дать определение человеку и вместо его таксона сформулировал пожелание: «*Homo sapiens nasee te ipsum*» («человек разумный, познай себя самого»). Без серьезных оснований усеченная форма этого пожелания стала трактоваться как видовой признак человека, что лишило широкий круг исследователей правильной ориентации при освещении культуры человека. Культура камня, бронзы, железа, производственные технологии, вычислительные системы, преходящие ценности вытеснили культуру человека из сознания ученых, призванных изучать непреходящую ценность человеческой психики – человечность.

Мифы, фольклор свидетельствуют, что самые разные народы предпочитают сочувствовать добрым молодцам, дурачкам, а не их умным, но бессердечным братьям. Многие люди рассматривают домашних животных в качестве членов семьи, не требуя от меньших братьев высокого интеллекта. Между тем среди осужденных международным трибуналом японских разработчиков бактериологического оружия было много известных ученых, поэтому нет оснований считать, что умение создавать высокоэффективное оружие, объем мозга, ум отличают людей от нелюдей. Чтобы осуждать преступления против человечности, общество вынуждено идентифицировать своих членов как *Homo gumanus*.

---

¹⁰ Семенов, Ю. И. Как возникло человечество. – М., 1966. – С. 133.

Воспитание человека радикально отличается от воспитания животных. Животные побуждают своих детенышей во время игры, демонстративного поведения пускать в ход зубы, когти, копыта, рога по всякому поводу и без повода. Они инстинктивно чувствуют, что только таким образом их чада смогут добиться достойного места в жизни. Совсем несложно представить, чем закончится подобное воспитание, если животное обзаведется оружием, которое не рассчитано на детские игры, на использование при дележе добычи, при ссорах. Уже первый опыт введения в культуру такого оружия не мог не вызвать трагических последствий. Именно трагизм этого опыта, систематическая гибель детей (а вовсе не орудия, которые абсолютно безучастны к человеческим проблемам) побудили матерей пропагандировать технику безопасности, а также воспитывать людей, а не зверей. Есть все основания полагать, что уже первые антропоиды, которые сумели обезопасить себя от грозных хищников посредством копья, были в полном сознании и настолько человечны, что не пытались решать бытовые проблемы посредством оружия.

Над фантазерами, подчеркивающими свирепость наших далеких предков и замышляющими в тиши кабинетов самые страшные преступления против человечности, очень едко посмеялся З. Фрейд. В своей работе «Мы и смерть» он писал: «После успешного завершения свирепствующей ныне мировой войны победоносные немецкие солдаты поспешат домой к женам и детям, и их не будет удерживать и тревожить мысль о врагах, которых они убили в рукопашном бою или дальнобойным оружием. Но дикарь-победитель, возвращающийся домой с тропы войны, не может вступить в свое селение и увидеть жену, пока не искупит совершенных им на войне убийств покаянием, подчас долгим и трудным»¹¹. Традиционная культура побуждает замаливать не только убийство врага. Даже порубка живого дерева в традиционных обществах считается большим грехом и требует искупления.

Цивилизация упрощает культуру общения, огрубляет человеческие чувства. В. И. Йохельсон, изучавший культуру юкагиров, которая считалась самой архаичной на территории Российской импе-

---

¹¹ Фрейд, З. Мы и смерть. – СПб., 1994. – С. 20.

рии, писал: «Надо действительно удивляться стыдливости примитивного племени, семейная и общественная жизнь которого еще протекала в условиях каменного века. От столкновения именно с более культурными народностями, якутами и русскими, стыдливость понизилась у юкагиров»¹².

Больше всего на начальном этапе освоения заостренной палки-копалки страдали малыши. «Когда у обезьяны рождается детеныш, он рефлекторно сжимает всеми четырьмя конечностями шерсть на теле матери и повисает под ее грудью, спиной книзу. В таком состоянии детеныш остается и тогда, когда спит, и тогда, когда бодрствует»¹³. Перемещаясь на четырех конечностях с зажатой в руке палкой-копалкой, мать подвергает ребенка страшной опасности. Естественно, что у матерей с редуцированным волосным покровом, а также у мамаш, которые освоили прямохождение, было больше шансов оставить потомство.

Следует подчеркнуть, что прямохождение – отнюдь не врожденная способность человека, а феномен человеческой культуры, феномен сознания. Многочисленные случаи воспитания человеческих детей животными подтверждают это. Факты свидетельствуют, что наши предки освоили прямохождение, ввели в культуру технику безопасности, стали сознательными на самой ранней стадии антропосоциогенеза. Таким образом, забота о человеческой конституции, о предельно сложном, предельно хрупком организме, а отнюдь не обтесывание камня, составляла и составляет главную проблему на самых ранних ступенях антропосоциогенеза и лежит в основе психогенеза, глоттогенеза, мифогенеза, социогенеза.

Новые открытия говорят о том, что прямохождение, увеличение размеров мозга и другие «человеческие» признаки появились за несколько миллионов лет до возникновения искусственных орудий, причем не в ходе эволюции, а скачком. Факты также неоспоримо свидетельствуют, что «однотипные по уровню развития общества могут пользоваться или не пользоваться железом, бронзой, а в отдельных случаях и камнем. Археологическая периодизация лишилась общего признания»¹⁴. Общее разочарование затронуло

---

¹² Иохельсон, В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб., 1900. – С. XIII.

¹³ Выготский, Л. С. Собр. соч.: в 6 т. – М., 1983. – Т. 3. – С. 272.

¹⁴ Алексеев, В. П., Першиц, А. И. История первобытного общества. – М., 1990. – С. 8.

не только археологическую периодизацию, гипертрофирующую роль надуманных ценностей в антропосоциогенезе. Все большее число исследователей склонно критически воспринимать трудовую теорию антропосоциогенеза, что порождает острый кризис в широком комплексе наук о природе человека, истоках его сознания, его культуры. Под псевдореволюционным лозунгом «Труд создал человека» с легким сердцем подпишутся и папа римский, и фантазеры, превратно воспринимающие древние мифы о космических существах, породивших человека, человеческую культуру. Выход из идейного тупика в науках о человеке, его культуре вполне возможен, если не абстрагироваться от жизненных проблем.

Забота о человеческой конституции, приобщение к заповеди «не убий», приобщение к самой древней, самой мудрой и гуманной науке (медицине) требуют сочувствия, сознания, развитого языка, духовности. Заботливые матери начинают знакомить своих детей с самыми ужасными трагедиями и драмами, с профилактикой травматизма задолго до того, как они научатся ходить и понимать звуковой язык. В книге «О театре волжских булгар и природе театрального искусства» нами показано, что «особую роль в демонстрации трагических последствий необдуманных поступков играет язык жестов. Обращение к языку жестов, пантомиме позволяет пролить свет на истоки театра»¹⁵, а также на природу языка.

Исследователи детской речи все больше внимания уделяют дословесной системе коммуникации. Эта система в настоящее время рассматривается исследователями в качестве протоязыка. Так, например, Е. И. Исенина в своей книге «Дословесный период развития речи у детей» пишет: «Протоязык — это смысло-семантическая дословесная система средств коммуникации...»¹⁶

Мысль о примате языка жестов, о том, что сказания изначально показывались, отнюдь не нова. Она регулярно воспроизводится в научной литературе со времен Дж. Вико. Вопросы порождает причина, вызвавшая этот язык к жизни, а также реконструкция исходного языка. В ряде публикаций нами «в качестве исходного общечеловеческого языка предложено рассматривать систему чисто

---

¹⁵ Воронцов, В. А. О театре волжских булгар и природе театрального искусства. — Казань, 2008. — С. 166.

¹⁶ Исенина, Е. И. Дословесный период развития речи у детей. — Саратов, 1984. — С. 150.

рефлекторных жестов, вызванных болезненными процессами, протекающими в организме. Такие жесты являются сигналами сигналов. Они позволяют констатировать не только эмоции, но и больные органы»¹⁷. Подобные реакции при их имитации позволяют сознательно «ректи», изрекать. Они широко используются матерями для предупреждения детей об опасности на самых ранних стадиях антропосоциогенеза.

При великом избытии гипотез истоки языка до сих пор не принято связывать с печатным процессом. Игнорирование печати, прессы исключает всякую возможность разобраться в исходных человеческих впечатлениях, в истоках человеческой экспрессии, понять смысл древних учений, постигнуть природу мифологического сознания, природу словесного Микрокосма.

Мифы, фольклор многих народов говорят о существовании в глубокой древности удивительных книг, которыми пользовались врачеватели, герои, звездочеты и т. д. Чудесные, гадальные, волшебные книги позволяли предсказывать судьбу, распознавать самые сокровенные тайны, а также лечить людей простым наложением этих книг на раны. Вот как описывает обращение к подобной книге Н. В. Гоголь в повести «Страшная месть»: «Святой схимник перекрестился, достал книгу, развернул – и в ужасе отступил назад и выронил книгу.

– Нет, неслыханный грешник! Нет тебе помилования! Беги отсюда! Не могу молиться о тебе!

– Нет? – закричал, как безумный, грешник.

– Гляди: святые буквы в книге налились кровью. Еще никогда в мире не было такого грешника!»¹⁸

Оттиски, которые оставляют окровавленные руки, чисто рефлекторно зализываются вместе с ранами. Мифы об изначальной письменности, грамоте, которая оказалась съедена, смыта, широко бытуют у множества бесписьменных народов, а также у народов, которые недавно приобщились к ней¹⁹.

---

¹⁷ Воронцов, В. А. Природа языка и мифа. – Казань, 2008. – С. 121.

¹⁸ Гоголь, Н. В. Соч.: в 6 т. – М., 1959. – Т. 1. – С. 184.

¹⁹ Чеснов, Я. В. Проглоченное знание и этнический облик // Фольклор и этнография: Проблема реконструкции фактов традиционной культуры: сб. статей / отв. ред. Б. Н. Путилов. – Л., 1990. – С. 169–180.

Если вспомнить, что *удами*, *оудами*, *оудесами* назывались естественные органы, то обнаружение такого «цэ уда», как чудесная книга, предельно облегчается. Дело в том, что сложенные определенным образом руки до сих пор означают почитание, причитание. Уже малые дети регулярно используют эти книги, чтобы хныкать. Все великие математики и логики приобщались к науке не без помощи волшебных книг.

Чудесные книги, заостряющие внимание на нашем самочувствии, состоянии, на нашей конституции, обеспечивающие неразрывную связь между психологией, логикой, математикой, грамматикой, имеют огромное значение не только в хиромантии, диагностике. Обращение к книгам, констатирующим человеческую конституцию, крайне важно при философском осмыслении истоков человеческого сознания, самосознания, всей человеческой истории. К. Маркс был глубоко прав, когда писал: «Первая предпосылка всяческой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение к остальной природе»²⁰.

Отрыв от историзма, от жизненных реалий, от подлинной мудрости, человечности, духовности, от традиционных взглядов на мир, на богочеловека чаще всего происходит, когда люди забывают о самой древней и человеческой науке – медицине, науке, лежащей в основе культов легендарных спасителей, врачей (Асклепия, Иисуса и т. д.). Роль этих культов в становлении современной культуры, духовности трудно переоценить. Забота о человеческой конституции, о нашем умственном и психическом здоровье требует не только сочувствия, сознания, но и семиотических познаний, языка, способного отразить широчайший спектр состояний сложнейшего объекта во вселенной. Язык медицины, язык биологии, язык жизни сказочно богат. Он разительно отличается от убогого жаргона досужих фантазеров. Следует заметить, что само слово *семиотика* почерпнуто лингвистами и философами из медицины. О тесной связи вещания, лексики с лекарской практикой писал еще классик

---

²⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч.: в 30 т. – М., 1957. – Т. 8. – С. 9.

филологической науки Ф. И. Буслаев. По его наблюдениям, «...от глагола *ба-ять* происходит *балий*, уже в фрейзингенской рукописи употребляющееся в значении врача, а потом это слово получило смысл колдуна; так в “Азбуковнике” объясняется: “*балия* ворожея, чаровник; *бальство* ворожба”. И наоборот, корень *вед*, откуда произошло слово *ведьма*, у сербов получает название лечения: *видати* – лечит, *видар* – лекарь, точно также, как от глагола *вещать*, то есть говорить, у сербов *виештац* – колдун и *виештица* – колдунья, а у нас в Вологодской губернии, *вещетинье* уже лекарство. Точно также и *врач* у сербов и болгар получил смысл колдуна, предсказателя, как у нас в старину *врачевать* значило колдовать, и, наконец, *лекарь* (от корня *лек* – значит лекарство), уже у Ульфилов встречающееся в том же значении (*ltikeis, lekeis*) и распространившееся по всем, как немецким, так и славянским наречиям, имеет при себе и значение колдуна...»²¹.

В санскрите связь гаданий, речи с болезнью, хвори с говором, пальцовкой представлена предельно выпукло:

- I *gada*: 1) речь, разговор; 2) изречение;
- II *gada*: болезнь, недуг;
- I *gadā*: изречение;
- II *gadā*: палица²².

Рана, расположенная под рукой (до руки), и является исходной друкерней, которой человечество обязано сокровенной печатью, орнаментом, таблицами судеб, книгами мертвых, кранами, коранами, корнями подлинной мудрости и т. д. Кровавые оттиски могут быть получены чисто рефлекторно, что свидетельствует об их глубокой древности. Вот как описывает этот жуткий процесс Лукреций Кар, которому были не чужды подлинные проблемы человечества:

Правда, тогда человек, в одиночку попавшийся, чаще
Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя, как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объединенным телом

²¹ Буслаев, Ф. И. Народный эпос и мифология. – М., 1990. – С. 23–24.

²² Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь. – М., 2005. – С. 188.

Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащую язву
Гнусные, Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали...²³

Орка призывать в таких случаях совершенно излишне, поскольку он под рукой, и каждый мог убедиться в этом, не прибегая к услугам оракулов.

На естественные истоки подлинного красноречия проливает свет и откровение капитана Джонсона, который поведал об обезьяне, которую он подстрелил на дереве. Эта обезьяна «вдруг остановилась, спокойно приложила руку к ране, покрытой кровью, и протянула ее потом, чтобы показать мне. Я почувствовал такую жалость, что этот случай оставил во мне неизгладимое впечатление, и я с тех пор никогда больше не стрелял в животных этой породы»²⁴.

Кровь является мощным раздражителем. Кровавые компрессы способны породить не только прессу, но и вызвать участие. С появлением колющих, режущих, рубящих орудий травматизм становится повседневным явлением. При этом накапливается и опыт диагностики, прогнозирования, лечения. Особую настойчивость в попытках помочь ближнему человеку исцелиться должны были проявлять матери, чьи дети часто становились жертвами неосмотрительного обращения с оружием. Далеко не случайно современная история медицины считает, что «первыми врачами были женщины»²⁵.

Уже первые врачеватели должны были обнаружить, что не вопли страдальца, а руки, их отпечатки несут главную информацию о причинах страдания пациента. Нет ничего удивительного в том, что исконная связь сказаний с показом до сих пор может быть обнаружена в самых разных языках. Так, например, в тюркских языках: *a:ya* – «ладонь»; *ai* – «говорить»; *ait* – «говорить»²⁶.

Координатные сети из пальцев, накладываемые рефлекторно или сознательно на больное место, позволяют не просто сетовать, но и отмечать координаты больного места. Они являются не только

²³ Лукреций Кар. О природе вещей: в 2 т. – М., 1946. – Т. 1. – С. 339.

²⁴ Романс, Д. Духовная революция человека. – М., 1905. – С. 142.

²⁵ Рябушкин, Н. В. Наказанье ли божье? Медицина и религия. – М., 1988. – С. 14.

²⁶ Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974. – С. 761.

первыми констататорами бедственного положения, но и первыми марлями, мерилами, которые породили представление об измерении тел, смертельной боли, о неотложных мерах, мерных пространствах, которое лежит в основе нашего мировоззрения, в основе мировоззрения древних. Органы, посредством которых мы мнем тело, породили мнение, менталитет, умение, ум, суммы. С ними связаны представления о маете, мете, примете, предмете, разметке, математике.

Связь наших горстей с горестями, с разметкой, с мучениями может быть продемонстрирована чисто формально на примере разных звуковых языков, которые продолжают сохранять свою исконную связь с жестами. В арабском языке: *мэраз* – «болезнь, хворь»; *мэрам* – «намерение»²⁷. В тюркских языках: *өл* – «умирать»; *өлч* – «измерение»²⁸. В индоевропейских языках связь смерти с мерой, долей настолько очевидна, что об этом факте говорят уже многие исследователи. Так, например, в словаре русских суеверий М. Власовой говорится: «Семантику наделенности долей может иметь и слово “смерть”, восходящее к индоевропейскому ряду *тег-* / *тог-* / *тг-*, который ставится в связь с такими “культурными словами”, несущими значение “части”, как греческое “мойры” и восточнославянское Мара»²⁹.

Рефлекторный захват больного органа посредством естественных мер породил представление о мертвой хватке. Так, например, в татарском языке сохранилось выражение *үлекләр тотта* – «мертвые хватают». По всей видимости, этот процесс породил и исходные представления о Книге мертвых. В оккультной литературе до сих пор упоминается загадочная книга Тотта. В погребальных ритуалах Тоту отводится главная роль: он ведет каждого на тот свет. Лунное божество Тот научил людей мудрости, счету, письму. При счете на пальцах в качестве указателя традиционно используется ноготь на большом пальце руки. Он играет активную роль и при мертвой хватке, и при удержании пера. Это дает веские основания для отождествления лунного бога Тотта с лункой на большом пальце правой руки.

²⁷ Хамзин, К. З. и др. Арабско-татарско-русский словарь. – Казань, 1965. – С. 318–319.

²⁸ Севортыян, Э. В. Указ. соч. – С. 375.

²⁹ Власова, М. Русские суеверия: энциклопедический словарь. – СПб., 2000. – С. 482.

В Греции с Тотом сближали вестника богов Гермеса, который также считался проводником в мир иной и родоначальником тайного (то есть герметического) знания. Если внимательно присмотреться к древним скульптурам и рисункам Гермеса (Меркурия), то можно заметить, что их главным фигурантом является большой палец правой руки.

Исконная связь человеческих ран с прессой, экспрессией, таврением, творением, артистизмом может быть прослежена на примере самых разных языков. Так, например, в современном татарском языке:

яра – «рана», «ранение», «раневоу»;

ярлы – «раненый», «имеющий рану»;

ярлык – «письменный указ», «грамота хана», «этикетка», «ярлык»;

ярату – «создавать», «создать», «творить», «создание», «творение»³⁰.

Основополагающую роль печати, впечатлений в познании естества, в естествознании подчеркивают самые разные языки. Так, например, в арабском языке:

табгы – «печатанье», «характер», «природа», «естественное состояние»;

табигать – «природа», «натура», «природное свойство предмета», «качество»;

табигыят – «явления природы», «естественные, физические науки»;

табигаюн – «естествоиспытатели»³¹.

Не отрицает основополагающую роль отпечатков и современная наука. Так, например, Б. Рассел (1872–1970) в своей книге «Человеческое познание: его сфера и границы» писал: «Порядок познания является обратным по отношению к причинному порядку. В порядке познания первичным является кратковременный, субъективный опыт астронома, рассматривающего черные и белые пятнышки на пластине, а последним – туманность, обширная, отдаленная и принадлежащая далекому прошлому»³².

Пять наших пальцев породили не только первые пятна, но и широчайший спектр понятий, связанных с патовой ситуацией, па-

³⁰ Татарско-русский словарь. – М., 1965. – С. 712–714.

³¹ Хамзин, К. З. и др. Указ. соч. – С. 537–538.

³² Рассел, Б. Человеческое познание, его сфера и границы. – М., 2000. – С. 27.

тогенезом, патетикой, апатией, симпатией, опытом, патентованием и т. д. Видно, что осмысление, упорядочивание этого жизненно важного опыта изначально происходило системно, в формах, которым присуща универсальность. Конкретизировать эти формы пытались Юм, Кант, Кассирер, однако чистое умозрение не позволяет реконструировать первые меры, первые мироздания, первые универсумы, первые системы координат. Не догадки философов, а наши рефлексии способны пролить свет на истоки рефлексии, увидеть исходную сеть категорий, составленную из пальцев.

Исходный язык – язык поэзии (позы), язык геометрии. Он предельно выразителен, системен, научен, строг³³. Сетки, стихи, вирши стихийно обеспечивают четкое позиционирование. Все наши единицы, все наши соло являются исходными словесами, а также естественными клавишами, надавливая на которые можно определить большое место с повышенной степенью точности. Сеть, наложенная на большое место, на раны, изначально обозначает наш стан, нашу статью, наши страны, стороны, страдания, поэтому первозданный космос зачастую трактуется как посмертная трансформация человеческого тела.

Исходная сеть, посредством которой мы учимся сетовать, позволяет познакомиться и с исходным сайтом, с исходной машиной, которая позволяет не только махать, но и обучать машинному языку, логике, математике. Касаясь большим пальцем четырех смежных пальцев, можно обнаружить первую тетрадь, первый тетрис, первые титры, первый театр. Пять пальцев являются первыми паяцами. Без актеров немислимы первые представления, первые акции, первые реакции.

Наблюдая за поведением матери, имитирующей бесконечное количество раз смерть, уход в мир иной путем наложения рук (исходной маски), ребенок начинает верить в бессмертие или воспринимает смерть как реинкарнацию, как инобытие. Вступая в борьбу с хтоническими существами, порожденными матерью-землей, ребенок совершает различного рода подвиги, чтобы вернуть мать к жизни, освободить ее от различного рода чудовищ, от заточения в различного рода темницы. В дальнейшем он начинает совершать

---

³³ Воронцов, В. А. Геометрия языка и язык геометрии // Геометризация физики: Тр. межд. конф. – 1990. – С. 232–236.

аналогичные подвиги, освобождая из заточения сестру, братьев, находить «невест», которые тоже не прочь поиграть с маленьким героем в прятки. Поиску любимого лица посвящено огромное количество мифов и сказок.

Изучение рефлекторного языка жестов, введенного в культуру матерями, позволяет пролить свет на истоки идеального (психического). Идеальное может трактоваться как универсальный материальный субстрат, выступающий в качестве заместителя любых конкретных вещей, явлений, процессов. Рука вполне способна выступить в качестве такого универсального субстрата. Язык жестов играет огромную роль и в процессе приобщения ребенка к вторичным знаковым системам.

Факты свидетельствуют, что в качестве главной движущей силы антропосоциогенеза следует рассматривать не половой подбор или половой инстинкт (по Ч. Дарвину) и не орудийную деятельность (по Ф. Энгельсу), а материнский инстинкт, который по своей природе социален и духовен. Наличие этого инстинкта делает беспочвенными любые попытки противопоставлять биологическое социальному, а также фантазировать по поводу природы социального, духовного.

Человек, человечество являются носителями абсолюта родительской любви, любви к слабому, незащитному. К. Д. Ушинский писал: «Что же касается до отличия инстинктивной материнской любви, общей всему живущему, от материнской любви женщины, то это различие заключается в том, что тогда как инстинктивная любовь прекращается... материнская, чисто человеческая любовь, не знает себе предела»³⁴. Побуждая взрослеющих детей заботиться о слабых, больных, незащитных, обучая их сочувствию, состраданию, приобщая их к самой мудрой и человеческой науке, матери приобщают их к абсолюту, который способен породить не только человека, но и человеческое общество. В ходе пропаганды этого абсолюта происходит знакомство с исходным универсумом и воспроизводится мировоззрение «золотого века».

---

³⁴ Ушинский, К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / В. И. Максимова // Педагогическая антропология. – М., 2001. – С. 139.